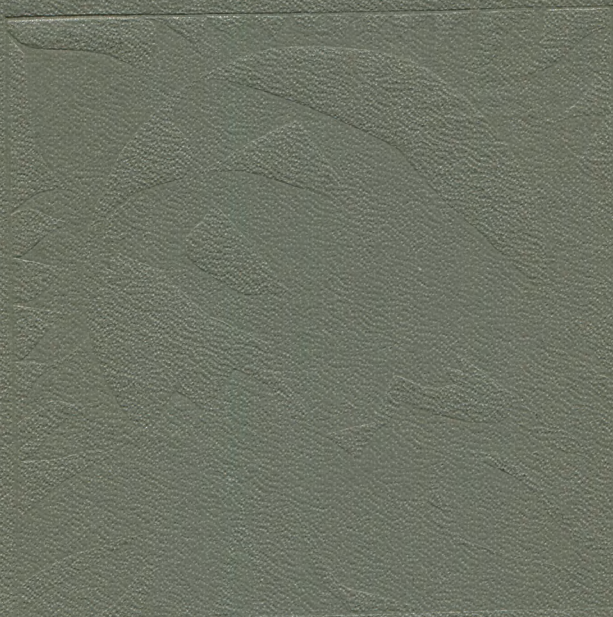

С (БЭШК)

P21

Гилемдар Раманов

КОНЕЦ ЛЕТА

БИБЛИОТЕЧКА БАШКИРСКОЙ ПОЭЗИИ

Гилемдар Рамазанов

КОНЕЦ ЛЕТА

СТИХИ

Авторизованный перевод
с башкирского

С (Башк.)

Р 21

Гилемдар Зигандарович Рамазанов родился в 1923 году в Чекмагушевском районе Башкирии, в семье крестьянина-бедняка. Учился в Давлекановском педагогическом училище. Первые его стихи начали появляться в республиканской печати в 1939 году.

Со студенческой скамьи в конце 1941 года он ушел в армию. Участвовал в боях на Западном, Калининском, 1-м Украинском фронтах. В августе 1943 года на Курской дуге вступил в члены КПСС.

После войны окончил башкирское отделение факультета языка и литературы педагогического института в Уфе, а затем — аспирантуру филологического факультета МГУ. Работал редактором республиканской газеты «Совет Башкортостаны». Ныне является старшим научным сотрудником института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР. Доктор филологических наук.

Г. Рамазановым издано более полутора десятка стихотворных книг на башкирском и русском языках, опубликованы исследование «Образ советского человека в башкирской поэзии» и монография о народном поэте Башкирии Мажите Гафури.

В новую книгу поэта на русском языке вошли стихи, написанные за последние годы.

Г. Рамазанов — кавалер двух орденов Красной Звезды, ордена «Знак Почета» и нескольких медалей. Избирался депутатом Верховного Совета СССР шестого созыва.

Беспокойство

**Казалось бы — ну чего еще?
Что нам жить, беспокоясь?
Но только найдем сокровище —
снова уходим в поиск.**

**Бывало — судьба опасная
нам звезды с небес снимала.
Но, даже победы празднуя,
совесть нам шепчет:
— Мало!..**

**Не бредим похвальными кликами,
не нужно нам славословие.
Радость — так уж великая! —
такое наше условие.**

**Нет, не словами цветистыми
звали других мы к цели.**

**Были мы коммунистами
не на словах — на деле.**

**Нет, мы себя не прятали
под грозными небесами —
трудились, сражались, падали,
все испытали сами.**

**Гуди же, ветер героизма!
Не надо покоя сердцам!
Да здравствует
 беспокойство —
свойство,
присущее нам.**

Зауралье

В океанах, в краях иностранных,
что сведут пестротой с ума,
в дальних странах, для глаза странных,
где кокос цветет и хурма,—
все твоею я брежу далью,
Зауралье мое, Зауралье!
Все отмечено тут широтою —
человек и разливы рек.
Если лес — так стоит стеною,
если снег — так уж это снег,
все покроет пуховой шалью
Зауралье мое, Зауралье...
Да, природа твоя сурова,
на ветру не вынешь рукí...
Но и слово здесь — крепкое слово.
Всем известны мои земляки:
хлебом, нефтью, добротной сталью,
Зауралье мое, Зауралье...
Нет цветов твоих в мире лучше,
как серебряные — ручьи,
твой народ — золотые души.
Ты наполнило песни мои
страстью, нежностью и печалью.
Зауралье мое, Зауралье!..

* * *

**Есть и такая позиция, знаю.
С ней удобно, с ней бед не жди:
«Наша, товарищи, хата с краю,
пусть за нас решают вожди» .**

Но все невзгоды этого мира
болью в душе моей залегли...
В центре мира моя квартира,
в сердце родимой моей земли.

И вождей мы видали могучих,
и лозунги — новые, что ни год.
Лозунг хорош, если он созвучен
тому, что думает весь народ.

Нечего нам стоять у обочин.
Мы — держава, и жить в ней — нам.
...Судьбами мира опять озабочен,
я руку тебе подаю, Вьетнам!

**Пылают твои селенья и базы,
в волшебных долинах гремят бои...**

**Встают бойцы, как мы, кареглазы,
и их подруги — сестры мои.**

**Нет, я молитв по утрам не читаю,
но в праведной этой твоей борьбе,
Вьетнам, тебя я благословляю,
священной победы желаю тебе.**

**Совість моя производит сверку:
что строить,
а что нам, подумав, сломать.
Давайте не ждать указаний сверху,
что нам сеять и что нам жать.**

**Ведь все тревоги этого мира
на наши, товарищи, плечи легли!
В центре мира моя квартира,
в сердце родимой моей земли...**

* * *

Было время — наивен, беспечен,
по земле я с улыбкой ходил.
И со встречными был я сердечен,
и людей без разбору хвалил.

Окружен был любовью и славой,
были многие сердцу близки,
и твердили о том, что я слабый,
только сплетников злых языки.

Но пришлось мне с наивностью справиться:
я измену изведal вполне...
То, что стал я кому-то не нравиться,
самому стало нравиться мне.

Что ж, спасибо, друзья, что ругали:
даром ваши слова не пропали.
Лишь бы снова меня не хвалили
те, что так меня злобно хулили.

Сердце бьется, как прежде, упруго.
А улыбка—иная. Строга.
Знаю цену и ругани друга,
и хвале лицемера-врага.

Письмо матери

Ты сердишься, мама:
нет писем,
а времени много прошло...
Так пусть донесет эта песня
сыновнего сердца тепло!

Не пой, дорогая, не надо:
«Терпи, мое сердце, терпи!
Ты, сердце, тоскуешь по сыну,
а сердце джигита в степи...»

Не надо, не надо, родная!
Хоть я далеко от тебя,
хоть писем не шлю я порою,
но так же тоскую, любя.

И так же встает предо мною
твой образ, когда я один.
Я сын твой, — поэтому, мама,
Я родине преданный сын.

Ведь ты нас не только растила —
ты с детства внушила сынам

**и преданность родине нашей,
и ненависть к нашим врагам.**

**Ты мне дорога, как отчизна,
отчизна близка мне, как мать.
С войны я вернулся с победой,
сумею в труде побеждать.**

**Пускай от тебя я далеко,—
твой образ повсюду со мной.
Тебе не придется за сына
краснеть перед нашей страной.**

Музыка

Мелодией вечер расцвечен,
вырывается песня в сердца.
И парень стоит целый вечер
у светлого зданья дворца.

Ну, что ты стоишь тут?
Не мешкай!
А в парне грохочет гроза.
Глядят на парнишку
с насмешкой
прохожих красавиц глаза.

Ах, это окно не простое:
в нем будто бы птиц голоса,
камыш в нем шумит над рекою
и шепчутся с ветром леса.

В нем дивная сила таланта:
полет, и призыв, и борьба —
серебряно плачет тальянка,
и медно хохочет труба.

Но все их в мелодию слей ты —
парнишка, припавший к окну,
все слышит одну только флейту,
лишь флейту,
лишь флейту одну.

Флейтистка — с задорною челкой,
ей отдал он счастье свое.
И пусть он не видит девчонку,
вся музыка — облик ее.

Такой вот она и приснится,
чтоб мог он любить горячей:
глаза в удивленных ресницах
прозрачны, как горный ручей.

Другой ее сердце тревожит,
и парню известно, что так...
А музыку бросить не может,
уйти он не может никак.

Когда бушует море

Рвутся, мечутся пенные воды,
буря бьет, как тулпар¹ на бегу...
Вспоминая прожитые годы,
я сижу на морском берегу.

Я, как море, бросался на скалы,
и срывался и падал — хоть плачь.
Может, мудрости мне не хватало,
может, слишком уж был я горяч?

Может, кротости маску надевши,
мне бы в тихие лечь берега?
Жил бы я, позабывши надежды,
не имея на свете врага.

Время точно отмерив по суткам,
я бы тонкие рифмы искал;
и, ведомый одним лишь рассудком,
я б на скалы бросаться не стал.

¹ Тулпар (башк.) — мифический крылатый конь.

Только, други, сомнительной вести
вы не радуйтесь, слишком спеша:
нынче снова душа не на месте —
в том она виновата, душа.

Время штиля еще не настало,
буря бьет, как тулпар на бегу.

Я,

как море,

бросаюсь на скалы,

как оно — быть другим не могу!..

* * *

«Ну чем, скажите, кичится он? —
в углах враги шелестят, —
Народ его мал —
всего миллион.
А сам он —
метр шестьдесят...»

Но я по другому закону жил!
Под ношей, зубами скрипя,
я с детства учился,
работал,
дружил
с ребятами старше себя.

И мне не сказали: мал ты еще!.. —
в тот злой для Родины день,
когда на худое
мое плечо
лег
автоматный ремень.

Ничем не обижен родной народ.
«Малый»?! Ну что за бред!

**Он шагом гигантов
идет вперед
под радугой
наших лет.**

**И пусть враги шипят иногда,
справочники
вороша...**

**Рост невысокий —
отнюдь не беда,
когда высока
душа!**

Конец лета

Солнце все еще к нам благосклонно,
город залит теплом с высоты.
Под окном, в середине газона,
с опозданием раскрылись цветы.

Все еще под ногами пушисты
одеяла расстеленных трав,
и наполнены шепотом листьев
кафедральные храмы дубрав.

Светят росы серебряным светом
с тонкой кожицы яблок с утра, —
спелым цветом да сладким шербетом
наливаться пришла им пора.

Но на елях уже, как червонцы,
блещут шишки из мрака ветвей,
и румяное личико солнца
повзрослело и стало желтей.

Нет, оно еще к нам благосклонно,
но осенние ночи близки,

Комната Ленина в Смольном

Где бы ни жил ты:

на юге привольном
или в краю ледяной мерзлоты,—
однажды

комнату Ленина в Смольном
неприменно увидишь ты.

Стол, диванчик... Четырнадцать метров,
Отсюда звучал Революции клич.
Здесь рождались октябрьские ветры,
здесь работал великий Ильич.

Отсюда — худы и плохо одеты —
пошли мы, чтоб мир переделать весь.
О земле и о мире декреты
его рукою написаны здесь.

Ты можешь гордым жить и довольным,
но как бы высоко ни лег твой путь,—
скромную комнату,
комнату в Смольном,
комнату Ленина
не позабуди!..

Крещатик

**Слышал, говорили: если видел ты,
Как Крещатик к солнцу ветви простирает,
Как его каштанов пенятся цветы,
То, считай, готово — сердце потерял...**

**А потом случилось: смерть со всех сторон
Целилась в твердыню сердца моего.
Через смерть и пламя рвался батальон,
Видел я Крещатик — не было его.**

**Не каштаны — пепел, камни да зола,
Где дома стояли — лебеда в логу.
К ярости и мщенью улица звала,
Не любовь унес я — ненависть к врагу.**

**Молодости нашей век не увядать!
Но уже немало прокатилось лет.
Как ты там, Крещатик? Вот бы увидеть!
Уж, наверно, стерся мой давнишний след...
...Я ступаю нынче по земле святой,
я смотрю, слезинки глупой не тая:**

**Юности солдатской ты служил мечтой,
Как весна, Крещатик, хороша твоя!**

**Как пьянящ каштанов нежный аромат —
Словно стих Тараса, звон его строфы!
Я привет сердечный передать им рад
От деревьев с Пушкинской из города Уфы.**

**Сорок лет мне скоро. Я еще не стар.
С радостью я вижу молодость твою.
Ты прими, Крещатик, запоздалый дар —
Я тебе, Крещатик, сердце отдаю.**

Подарок

С а б и т у М у к а н о в у

Я тоже гость на шумном тое,
Я вез к тебе на торжество,
быть может, самое большое —
любовь народа моего.

Когда дни осени настали
И собираться в путь я стал,
в моем родном Башкортостане
сошлись тогда и стар и мал.

Тебя за ум, за труд огромный
почтить просили старики,
Всего один подарок скромный
с собой мне дали земляки.

Подарок прост. Кубышка меда.
Но ощутишь с тем медом ты
и уважение народа,
и агидельские цветы.

И гулкий шум потоков горных,
И синий блеск уральских звезд,
и пыл башкирских песен гордых...
Ты видишь? Мой подарок прост.

Онега

Я пришел к тебе с Урала
в эти милые края.
Ты, как песня, тосковала,
ох, Онега ты моя!

У тебя душа поэта,
пениста твоя струя:
волны бурны даже летом...
Ох, Онега ты моя!

То бела, как молоко, ты,
то — из сини кисея,
то сверкаешь позолотой,
ох, Онега ты моя!

Говоришь ты мне о бедах
и о счастье бытия,—
ты как сказка и легенда,
ох, Онега ты моя!

Душу мне терзала жалость:
как тебя покину я?..
В сердце ты навек осталась,
ох, Онега ты моя!

Надпись на книге Семена Данилова

40 по Цельсию. Сразу —
будто дыхания нет.
Но по земле алмазов
ведет меня друг-поэт.

С ним я лажу неплохо,
иду по следам зверей,
с ним запеваю олонхо —
песню богатырей.

Шагаю в тайгу, за камни,
наперекор зиме.
И, как Агидель, близка мне
синяя речка Синэ.

Упорна поэтов порода.
Добыл он, Якутии сын,
песни из сердца народа,
будто алмаз из глубин.

**Они — алмазов не хуже:
народные в них мечты.
Да, книга написана в стуже,
а сколько в ней теплоты!..**

Ташкент, 26 апреля 1966

Солнца блики и птичьи крики —
Я впервые в Ташкенте в гостях.
Цветники, проспекты, арыки
проплывают в моих глазах.

Тополя у дорог — как свечки,
розы очи раскрыли со сна, —
как улыбка девчонки-узбечки,
обаятельна эта весна.

Мне как брату узбеки рады;
шел и пел я:
— Ташкент, встречай!..
А под вечер — стихи Аскада
и душистый узбекский чай.

Ночь апреля — недолгая гостья.
Вот уж, знаменем в небе горя,
будто золота полные горсти
по листве разбросала заря.

Но... рванулись птицы от гула...
содрогнулась под нами земля...

Старый город перевернула
сила страшная — Зиль-Зиля¹.

Явный враг — мы бы встали дружно,
как вставали всегда, везде!
Только были мы безоружны,
не готовы к такой беде...

Щебень.

Пыль.

Кирпичная крошка.

Не война ли прошла сама?

Покосились, как от бомбежки,

Век служившие людям дома...

Гордый город,

ты встанешь вскоре,

будут вновь и цветы и жилье!

А твое великое горе

через сердце прошло мое...

З и л ь-З и л я (узбекск.) — землетрясение.

Сибирячка

Сибирские прославленные кедр
торжественны, спокойны и тихи.
Пришла пора, и с них сбивают ветры
поспевшие орехи, как стихи.

А ты скользишь под шапки снеговые,
позолотил закат твой строгий лик.
Тебя увидев, сосны вековые
от восхищенья замерли на миг.

Чуть шевельнешь ты бровью соболиной,
ты засмеешься солнечным лучам —
и все пропало: песней соловьиной
потом являться будешь по ночам.

Ах, девушка! Иду я степью тихой,
но что-то ново в нашей с ней любви...
Ту ягоду, что кличут обленихой,
своей рукой ты для меня сорви.

И воду Енисея, это чудо,
ты поднеси к пожару жадных уст!
Но что мне делать, если не забуду
я той воды и ягоды той вкусу?..

Красное море

**Ты зеленое утром, ты синее днем,
ночью — в белом пенном уборе...
Отчего же тебя мы красным зовем,
море Красное,
Красное море?**

**Ты Суэцем крепче железной черты
две земли разделило разных,
много красной крови видело ты,
много зорь ты впитало красных.**

**Два больших континента, как два близнеца,
родились в бесправье и горе.
Слышишь ты, как стучат этих братьев сердца,
море Красное,
Красное море?**

**Почернев от побоев, раб падает ниц,
плеть над Африкой злобно свистела.
О, как в Азии много безрадостных лиц
от нужды и от слез пожелтело...**

Ты узорною пеной, прохладой волны
оба берега моешь, не споря.

Люди тоже повсюду должны быть равны,
море Красное,
Красное море!

Пароходы спешат, как на пир воронье,
руки жадных пришельцев грубы...

И по небу увозят богатство твое,
и из почвы сосут его трубы.

Но уже люди новые песни поют,
сила брезжит в разбуженном взоре:
левый берег и правый — оба встают,
море Красное,
Красное море!

Просыпайся же, Африка! Азия, пой!
Загудите, как вихрь, в непогоду!
Чернокожий и желтый, вставайте на бой,
на решительный бой за свободу.

Море Белое есть в нашем дальнем краю,
плещет Черное в лунном просторе.
Они славят борьбу и победу твою,
море Красное,
Красное море...

Арабская сказка

Над Африкою — луна.
Кругла она и полна,
то где-то блеснет в окне,
то к Нилу сойдет, к волне,
то снова идет вперед...
Сон меня не берет.
Сказки мне спать не дают,
в них столько счастливых причуд —
«Тысяча и одна ночь»
(Сон улетает прочь.)
Приди ж, Шахразада, приди,
нити сказок пряди!
Если и путь мой весь —
тыща ночей и одна,
тыщу возьми, страна,
одна пусть проходит здесь!

Надежда

На зимнем поле — белая одежда,
вся в соболях красавица-зима...
В душе моей всегда живет надежда,
светла как снег, как чистота сама.

Желанной гостьей, первую капелью
разбудит землю юноша-апрель, —
мне сердце греет соловьиной трелью
моей надежды звонкая свирель.

Пусть трудный день приходит к изголовью —
не скроет неба груз любых забот:
я знаю — рядом с верой и любовью
моя надежда светлая живет!

Покуда сердце не устало биться,
иду я с ней — и вся земля в цвету;
лишусь ее — подстреленною птицей,
пути не кончив, рухну на лету...

«Ах, как он беден!..» — шепчутся невежды,
а мне не нужно в жизни ничего,
не отлучайте только от надежды,
от вдохновенья, счастья моего!

Одно слово

Беседой дружеской отмечен
мой путь в краю степных дорог.
И лишь с тобой при первой встрече
я слова вымолвить не мог.

В кругу друзей ночной порою
я шуткой веселил привал.
И, только встретившись с тобою,
я смех и шутки потерял.

Бежала раньше, словно в сказке,
рассказов пестрая канва,
И лишь с тобой теряли краски
живые, ясные слова,

Свистели птицы возле окон
в туман вечерней полутьмы.
Вокруг да около, намеком,
с тобой беседовали мы.

И все слова, просты и милы,
уже вплетались в нашу речь.

**Но, зная, у сердца были силы —
одно заветное беречь.**

**Мы в жизнь войдем одной дорогой.
Как тайну тайн в моей судьбе,
всей жизнью, всей своей тревогой
«люблю!» скажу одной тебе.**

Тропинка, что спускается к реке

**Омытая водою дождевою,
просохшая на свежем ветерке,
виднеется поросшая травою
тропинка, что спускается к реке.**

**Здесь пролетело время молодое!
И в час, которого я ждал в тоске,
красавица ходила за водою
тропинкой, что спускается к реке.**

**Когда твои глаза мой взгляд
встречали,
ты поправляла локон на виске,
а я, вздыхая, поверял печали
тропинке, что спускается к реке.**

**Один бродил я со своей любовью;
теперь в душе, как на речном песке,
лишь грустный след остался
наподобье
тропинки, что спускается к реке.**

**Я робок был в ту молодую пору.
Иные парни здесь — рука к руке
идут с подругами по косогору
тропинкой, что спускается к реке.
Их встречи радостней моих свиданий.
Но, возвратясь из странствий вдалеке,
брожу я по следам воспоминаний
тропинкой, что спускается к реке.**

К рождению дочери

Черемуха благоухала,
дожди подымали траву.
С далеких отрогов Урала
пришла телеграмма в Москву.

Два слова любви и надежды,
И нежности: дочь родилась!
Два слова... Сильнее, чем прежде,
я с жизнью почувствовал связь.

Мне внове такие минуты.
О, знать бы — какая она?
Вдруг стал я взрослее, как будто
мне важная должность дана.

Не мог усидеть я от счастья,
не мог своих чувств удержать.
Я вышел с Москвой совещаться:
какое же имя ей дать?

«Гюзель» — мне ветвями своими
советовать клены спешат.

Светлана — хорошее имя.

А может быть, лучше — Гюльшат?

Все дышит весеннею новью,
а дочь, видно, спит в этот миг.

Стоит у ее изголовья
в борьбе завоеванный мир,
зовет ее в светлое завтра,
на праздник весенней земли.
В саду у Большого театра
на клумбах цветы расцвели.

Хочу, чтоб отчизна узнала
о радости этого дня:
у дальних отрогов Урала
дочурка растет у меня.

* * *

Снег сверкает белизною,
снег играет, словно ртуть.
Ты идешь, мой друг, со мною,
обновляя зимний путь.

Нет конца пушинкам снежным,
что алмазами горят...
Окрылен пожатьем нежным,
я горю, я сердцем рад.

А снежинки все ложатся
и на шапку и на шаль.
Далеко дороги мчатся
и зовут куда-то вдаль.

Говорим без слов друг с другом:
блеском глаз, пожатьем рук.
Я пойду навстречу вьюгам
если рядом — ты, мой друг!

Уфа

Всего лишь три буквы, короткое слово,
но где-то вдали его назови —
сколько встанет за ним родного,
сколько в нем зазвучит любви!

В нем — отчизна отцов святая,
в нем — любимая, милый дом.
Сердце манит оно, сверкая,
как три звездочки над стихом...

* * *

Я был в краю, где нежным зорям
вторят

магнолии воздушные цветы.

Пусть позади уже осталось море,
но впереди — там, за горами —
ты!

Осенний Крым в прозрачной дымке скрылся.
Мы над Кавказом. Вот проплыл Казбек.
И наконец наш самолет спустился
на землю, на пушистый ровный снег.

Я восхищался дикой красотой
вечнозеленых южных берегов,
но я истосковался, я не скрою,
по вьюжной дали,
по стране снегов.

Пойдем скорей на улицу, родная,
чтобы мороз, как прежде, щеки жег.
Лишь в нашем крае падает, я знаю,
такой пушистый радостный снежок.

* * *

Ты живешь — и мечту твою манят
судьба мира,
и время,
и даль!

Но бывает: твой взор затуманит,
на лицо твое ляжет печаль.

Мир все тот же —
в кипении, в гуде,
есть и зори,
и заводей тишь,
есть на свете
хорошие люди,
только ты почему-то грустишь.

Это — жизнь.

Не из блесков сусальных,
не из радостей сшита одних...
На земле еще много печальных,
нужно больше нам думать
о них.

* * *

Буран метет. Но теплый и незлой.
Он почему-то радость навевает.
Пахнул он словно дальнею весной,
он в проводах, как птица, напевает.

Он песнями о радостной весне
мне душу неожиданно наполнил.
Он о тебе, далекой, мне напомнил.
Напомнил ли тебе он обо мне?

Счастлиное время

**Снова где-то вспыхнули зарницы,
жизнь мою по-своему края...**

**Снова сон мой подхватили птицы
и умчали в дальние края.**

**Это гостья старая с любовью
входит в ей знакомые дома —
к моему садится изголовью
до утра поэзия сама.**

**И живу я трудно, торопливо,
и без песни не встречаю дня...
Трудно, торопливо, но счастливо —
есть ли выше счастье для меня?**

Девушкам

Снова годы далекие ожили:
снова травы под солнцем густы,
и смеются девчонки,
похожие
на лесные простые цветы.

Я на память тогда не заучивал
эти тропки и песни в лесу,
но сияние глаз их задумчивых
я с собою по жизни нес.

Не проходит их юность...
Да где уж там
их вниманье привлечь на бегу:
мало песен я складывал девушкам,
перед ними я в давнем долгу.

Я встречал их на дальних становищах,
в городах, чьи несчетны огни.
Только странно: чем старше становишься,
тем становятся краше они.

Нас братали московские улицы
и волна на морском берегу...

Недотроги,

красавицы,

умницы,

я в долгу перед вами, в долгу!

Там, на Ниле, луною расцвеченном,
помню очи с тоскливым огнем;
в Казахстане

серебряным вечером,

ах, как пела одна соловьем!

Все я брежу той дивною песнею!

Выйду в поле, уснуть не могу:

светят звездами

лица прелестные —

перед ними я в вечном долгу.

Там, где были не брошки да денежки,
где горела и сталь и трава, —
может быть,

из-за вас только, девушки,

не пропала моя голова.

С вами беды легки нам и трудности,
с вами нас не осилить врагу!..

Я пред вами,

посланницы юности,

до конца

в неоплатном долгу.

В больнице

Т. М. Камахиной

За окнами — тучек в небе шитье,
весеннего леса шуршанье и сырость...
А истина в том, что сердце мое
от битв и лишений произносилось.

Да, грешен: сознание теряя в ночи,
бежал от больниц, как стриж от ненастья...
А истина в том, что мои врачи —
я убежден! — желают мне счастья.

Замер работы стремительный вал,
стих, ожидая условного знака....
Но истина в том, что это — привал,
а на рассвете — снова атака!

* * *

К нам приезжай и убедись воочию:
прекрасно все в родной Уфе моей.
Когда в Уфу ты приезжаешь ночью,
тебя встречает зарево огней.

Весь город на горе. Бессильно слово,
чтоб выразить, как все здесь мило
нам!

Здесь словно все для праздника готово
и нет числа сверкающим огням.

Достойной песни в честь Уфы не сложишь.
Кругом огни, огней не сосчитать!
Один из них — мое окно. И сможешь
его ты по сиянью угадать.

Меня слова, как искры, окружают,
вместила будто солнце грудь моя,
и кажется, окошко отражает
тот свет, которым сам пылаю я.

Почему-то...

**Дуют ветры, как дальняя юность,
снова воздухом давним дышу...
Почему-то я нынче волнуюсь,
нынче вряд ли стихи напишу.**

**Нынче елочки убраны в жемчуг.
Почему-то все кажется мне,
что их ветви в безмолвии шепчут
о родимой моей стороне.**

**Те луга, где куга да барвинок,
до сих пор еще памятны все;
почему-то от этих тропинок
я на шумное вышел шоссе.**

**И шагал я дорогой большою,
и надежных друзей обнимал.
Почему-то, что есть за душою,
не жалея, я им отдавал.**

**Ветер дунет теплом на минуту
и в иные умчится края.
И все кажется мне почему-то,
что не кончилась юность моя...**

Август

Ну, вот и август.
Вот уже на травах
Все чаще проступает желтизна.
К нам старость подбирается лукаво.
Так что ж ты, сердце?
По какому праву
С тобою рядом майская весна?

Ведь отрочества
Мартовская капля
Еще вчера изящна и легка
Сверкала надо мною...
Но не так ли
Когда-то слезы первые иссякли,
И та любовь,
И первая тоска?
Как злые стрелы,
Ветры налетели —
Прощай, моя родная сторона!
Сошлись потоки
Моего апреля
И тот огонь,
Что принесла война.

Гром впереди катился.
А по следу
Брело за нами мирное житье.
Сквозь слезы счастья
Различая беды,
В чужих краях
Над знаменем победы
Вставало утро майское мое.

Оно с любовью не было знакомо...
И лишь июнь
Расцвел моей судьбой:
Под крышею родительского дома
Мы встретились, любимая, с тобой.

Июль был жарок.
Направляясь к цели
И не сходя для отдыха с тропы,
Ростки надежд
Мы превратить сумели
В тугие золотистые снопы.

То лето, та весна
Нас закалили:
Загаром оттенилась седина.
И гвоздик свой
Мы в своды дома вбили,
Который честно строила страна.

Серебряный апрель наш
Стал далеким,
И золотой поры настали сроки,
Хоть внешний блеск
Давно нас не влечет.
Так пусть же август
Щедро плодоносит,
Пусть будем помнить мы о том,
Что осень
Теперь стоит по праву у ворот.

Любовь

Луч играет на нашей машине.
По-осеннему зябко в тени,
На пути
От Подолья к Волыни
Мы застали погожие дни.

Вон кафе,
Будто песня — «Ялинка»,
Где задумчивый лес у окна.
Угощает нас чаем Галинка,
Словно юная елка, стройна.

Старина здесь
Сплетается с новью.
Знатоки говорили мне так:
«Растрепожженный поздней любовью
Проезжал этим краем Бальзак».

Путь нам
Теми же точно следами
Одолеть из конца и в конец:
Нас любовью встречал и цветами,
Хлебом-солью встречал Кременец.

Нас красавица
Встретила смело.
Так синел ее девичий взгляд,
Словно это в глаза нам смотрело
Дружелюбное небо Карпат.

Для того и шагали мы
В дали,
И сражались за эти места,
Чтобы девушки здесь расцветали,
Чтоб рождалась вокруг красота.

Так спасибо, друзья из-под Збруча,
Вам за то,
Что я здесь повидал.
Высотой с карпатские кручи
Я любовь увожу на Урал!

Приезжай...

М и х а и л у Л ь в о в у

Под Лаклами у нас
До рассвета
Волны Ай, набегая, шумят,
Вспоминая о сыне Давлета,
О тебе, беспокойный Рафкат.
Приезжай...
Берега Юрюзани,
Цветом вешних черемух слепя,
Вечерами и в утренней рани
До сих пор ожидают тебя.

В Насибаше
Негромким приветом
Соловьиные трели звучат.
Ты вовек не забудешь об этом
Сын Давлета — далекий Рафкат.

Ай-река
Торопливой весною
Сабантуй заводит вокруг.

М и х а и л Л ь в о в (Рафкат Давлетович Маликов) — известный русский советский поэт, родившийся в Башкирии.

Что ж ты нынче
Опять не со мною,
Удивительной юности друг?

На коне вдохновляющей стати
Мчатся детские годы твои.
Не о них ли
В родном Салавате
Одиноко грустят соловьи?

И красавицы ярко одеты,
К роднику по тропинке спешат,
Словно ждут они сына Давлета,
Ждут тебя,
Беспокойный Рафкат.
И надеждою светятся лица...
В суете пролетающих лет
Мы встречаемся
В шумной столице:
«Отдал сердце ты ей или нет?»

Ай-реку, словно бурная пена,
Цвет черемух окутал вокруг.
Приезжай!
Приезжай непременно,
Удивительной юности друг!

Сыну

Значит, сын, в комсомол принимают?
Ты взволнован, в лице твоём свет.
Вспоминаю, дружок, понимаю,
что такое четырнадцать лет.
В этом возрасте, скажем по правде,
я впервые обувь сменил.
А до этого знал я лишь лапти,
хоть уже и в селькорах ходил.
Был я тощий, голодный, вихрастый;
шесть друзей — и семейство и дом.
К нам, глазастым, с любовной опаской
относились в колхозе родном.
Мы к жнецам на рассвете спешили
прояснить мировые дела.
«Боевые листки» наши били
по лентям и скрягам села.
Вшестером, по февральскому ветру,
в райкомол, где имелась печать,
мы за двадцать ушли километров
комсомольский билет получать.
Шли назад, а в душе будто трубы,
что ж, что вьюга кидается вслед?
Грели песни нас всех — не тулупы,
согревал комсомольский билет.

Содержание

Беспокойство. Перевел В. Виноградов	7
Зауралье. Перевел В. Виноградов	9
„Есть и такая позиция...“ Перевел В. Виноградов	10
„Было время...“ Перевел В. Виноградов	12
Письмо матери. Перевел Д. Седых	13
Музыка. Перевел В. Виноградов	15
Когда бушует море. Перевел В. Виноградов	17
„Ну, чем, скажите, кичится он...“ Перевел В. Виноградов	19
Конец лета. Перевел В. Виноградов	21
Комната Ленина в Смольном. Перевел В. Виноградов	23
Крешатик. Перевел В. Виноградов	24
Подарок. Перевел В. Виноградов	26
Онега. Перевел А. Лысов	27
Надпись на книге Семена Данилова. Перевел В. Виноградов	28
Ташкент, 26 апреля 1966. Перевел В. Виноградов	30
Сибирячка. Перевел В. Виноградов	32
Красное море. Перевел В. Виноградов	33
Арабская сказка. Перевел В. Виноградов	35
Надежда. Перевел В. Виноградов	36
Одно слово. Перевел М. Дудин	37
Тропинка, что спускается к реке. Перевел В. Сикорский	39
К рождению дочери. Перевел Л. Озеров	41
„Снег сверкает белизною...“ Перевел А. Шпирт	43
Уфа. Перевел В. Виноградов	44
„Я был в краю...“ Перевел В. Сикорский	45
„Ты живешь — и мечту твою манят...“ Перевел В. Виногра- дов	46

„Буран метет...” Перевел В. Сикорский	47
Счастливое время. Перевел В. Виноградов	48
Девушкам. Перевел В. Виноградов	49
В больнице. Перевел В. Виноградов	51
„К нам приезжай...” Перевел В. Сикорский	52
Почему-то. Перевел В. Виноградов	53
Август. Перевел В. Савельев	54
Любовь. Перевел В. Савельев	57
Приезжай... Перевел В. Савельев	59
Сыну. Перевел В. Виноградов	61

Рамазанов Гилемдар Зигандарович

КОНЕЦ ЛЕТА

С т и х и

Редактор В. А. Трубицын

Художественный редактор Б. А. Хайбуллин

Художник-оформитель А. А. Холопов

Технический редактор Г. К. Зигангирова

Корректор З. А. Самигуллина

Сдано в набор 4/VI 1971 г. Подписано к печати 11/I 1972 г. Формат 60×90¹/₃₂. Физ. печ. л. 2,0. Уч.-изд. л. 1,50. Тираж 3000 экз. П11124. Заказ № 370. Бумага тип. № 1. Цена 31 коп.

Башкирское книжное издательство
Управления по печати при Совете
Министров БАССР, г. Уфа-25,
улица Советская, 18.

Уфимский полиграфкомбинат
Управления по печати при Совете
Министров БАССР, г. Уфа-1,
проспект Октября, 2.

